

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович

Убежище Монрепо

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Евграфович С.**
Убежище Монрепо / Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 215 с.

ISBN 978-5-519-84494-9

ISBN 978-5-519-84494-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

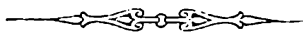
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

✓ $\frac{237}{97}$

УБЪЖИЩЕ МОНРЕПО

СОЧИНЕНИЕ

М. Е. САЛТЫКОВА (Щедрина)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1880

ОБЩИЙ ОБЗОРЪ

— Вы, конечно, на лѣто уединитесь
въ свое Монрепо?

— Разумѣется! надо же отдохнуть!
Святскіе діалоги.

Отъ чего отдохнуть, это—вопросъ особый; но уѣхать на лѣто, во всякомъ случаѣ, надо. Лѣтомъ, города населяются Дулебами, Радимичами, Вятичами и проч., въ образѣ каменьщиковъ, штукатуровъ, мостовщиковъ, совмѣстное жителство съ которыми для культурнаго человѣка, по многимъ причинамъ, неудобно.

Удовлетворяя этой потребности, я довольно долгое время ѣздилъ по лѣтамъ въ подмосковную. Имѣніе это я приобрѣлъ тотчасъ вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного права и купилъ, надо сказать правду, довольно безобразно. Во-первыхъ, осматривалъ имѣніе зимой, чего никто въ мірѣ никогда не дѣлаетъ: во-вторыхъ, попалъ на продавца-старичка, который въ церкви, во время литургіи вѣрныхъ, приходилъ въ восторженное состояніе, и я повѣрилъ этой восторженности. Старичекъ служилъ когда-то по провіантскому вѣдомству и потому былъ благодушенъ

и гостепріименъ. Зазвалъ меня обѣдать, накормилъ настоящимъ малороссійскимъ борщемъ и угостилъ кіевской наливкой. Потомъ, самъ поѣхалъ со мной осматривать усадьбу, гдѣ велѣлъ сварить супъ изъ курицы и зажарить карасей въ смѣтанѣ, причемъ говорилъ: „курица эта здѣшняя, караси тоже изъ здѣшняго пруда, а въ рѣкѣ, кромѣ того, водятся язи, окуни и вотъ такіе лини!“ Затѣмъ начался осмотръ. Выйдя на крыльцо господскаго дома, онъ показалъ пальцемъ на синѣющій вдали лѣсъ и сказалъ: „вотъ какой лѣсъ продаю! сколько тутъ дровъ однихъ... а?“ Повелъ меня въ сѣнной сарай, дергалъ и мялъ въ рукахъ сѣно, словно желая убѣдить меня въ его добротѣ, и говорилъ при этомъ: „этого сѣна хватитъ до новаго съ излишкомъ, а сѣно-то какое—овса не нужно!“ Повелъ на мельницу, которая, словно нарочно, была на этотъ разъ въ полномъ ходу, дѣйствуя всѣми тремя поставами и говорилъ: „здѣсь сторона хлѣбная — никогда мельница не стоитъ! а ежели еще маслбойку да крупорушку устроите, такъ у васъ такая толпа завсегда будетъ, что и не продерешься!“ Сдѣлавъ, вмѣстѣ со мной, по сугробамъ, небольшое путешествіе вдоль по рѣкѣ и говорилъ: „а рѣка здѣсь какая—ве-се-ла-я!“ И все съ молитвой. Скажетъ, и перекрестится, и зрачками вверхъ поведетъ, и губами пошевелитъ, словно на вся и на всѣхъ призываетъ благословеніе Божіе. Только въ заключеніе разсердился. Погрозила кулакомъ на крестьянскій посѣлокъ, населенный новоиспеченными временно-обязанными, и присовокупилъ: „Все изъ-за нихъ, канальевъ! Кѣбы не они, подлецы, кажется, ни въ жизнь бы изъ этого рая не выѣхалъ!“

Словомъ сказать, очаровалъ меня искренностью. И что еще больше мнѣ понравилось: слабыхъ сторонъ имѣнія не скрылъ. „Вотъ службы—лёгонькія! это — такъ! и озимое, по милости подлецовъ, незасѣянное осталось, это — тоже скрыть не могу!“ Но при воспоминаніи о „подлецахъ“,

опять разсердился и присовокупилъ: „Впрочемъ, дѣло объ нихъ уже въ уголовной палатѣ рѣшено; вотъ какъ шестьдесятъ человѣкъ березовой кашей вспрыснуть, такъ до новыхъ вѣтниковъ не забудутъ!“ *).

При каковомъ осмотрѣ присутствовалъ и мѣстный сельскій батюшка, который скромно пощипывалъ бородку, не подтверждая, но и не отрицая.

Я былъ тогда помоложе и ни къ какимъ хозяйственнымъ дѣламъ прикосновеннымъ не состоялъ. Случились въ карманѣ довольно большія деньги (въпрочемъ, данныя въ займы), но я какъ-то и денегъ не понималъ: все думалъ, что конца имъ не будетъ. Словомъ сказать, произошло нѣчто въ родѣ сновидѣнiя. Только одно, повидимому, я зналъ твердо: что положено начало свободному труду, и земля, слѣдовательно, должна будетъ давать вдесятеро. Потому что, въ то время, даже печатно въ этомъ родѣ расчеты дѣлались.

Замѣчательно, что я родился и выросъ въ деревнѣ. До десяти лѣтъ, я жилъ въ деревнѣ безвыѣздно, потомъ, когда начались странствованiя по казеннымъ заведенiямъ, ежегодно на лѣтнiя вакансiи прiѣзжалъ въ побывку домой. Я зналъ, чтò такое лѣсъ, и множество разъ даже хаживалъ туда за грибами и ягодами; я умѣлъ отличить ячмень отъ ржи, рожь отъ овса; я видѣлъ, какъ возятъ навозъ на поля, какъ пашутъ, боронятъ, сѣютъ, жнутъ, молотятъ, косятъ. И за всѣмъ тѣмъ, рѣшительно ничего не понималъ. Воистину, это была не дѣйствительность, а сновидѣнiе, отъ котораго задержались въ сознанiи только лишешныя всякой связи обрывки...

*) Всего въ имѣнiи числилось 160 ревизскихъ дупъ (ревизiя была въ 1859 году), въ томъ числѣ, разумѣется, на половину подростковъ и малолѣтнихъ. Рѣшенiе московской уголовной палаты, дѣйствительно, состоялось въ этомъ родѣ, но сенатъ его отмѣнилъ, и дѣло, кажется, кончилось ничѣмъ.

Родители мои слыли въ своей сторонѣ за очень опытныхъ и рачительныхъ хозяевъ. Они „сами во все входили“, чего въ то время, было совершенно достаточно, чтобъ заслужить репутацію „хозяина“. Каждый вечеръ, староста приходилъ въ барскій домъ съ отчетомъ объ успѣхѣхъ произведенныхъ, въ теченіи дня, работъ; каждый вечеръ шли безконечные разговоры, предположенія и сѣтованія; отдавались приказанія на слѣдующій день, слышались тоскливыя догадки на счетъ вѣдра или дождя, раздавались выраженія: „поголовно“, „братъ на брата“ и другіе сельскохозяйственные термины въ крѣпостномъ вкусѣ. Я очень часто присутствовалъ при этихъ переговорахъ и, помнится, даже интересовался ими, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ ними шли распоряженія и насчетъ домашнихъ запасовъ, которые, въ видѣ варенья, соленья, сушеныхъ и квашенья, производились во множествѣ. Передъ моими глазами, не только ежедневно, но ежечасно, ежеминутно происходилъ тотъ кропотливый процессъ, при помощи котораго создается такъ называемая полная чаша. Я видѣлъ эту полную чашу во всѣхъ ея проявленіяхъ: въ амбарахъ, наполненныхъ всякаго рода хлѣбомъ, въ погребахъ и кладовыхъ, на скотномъ дворѣ, въ плодовыхъ садахъ и проч. Вездѣ, по всей усадьбѣ, словно въ муравейникѣ, съ утра до ночи копошились люди, и все припасали. А ночью, около полной чаши похаживалъ сторожъ и билъ въ чугунную доску. Все это я видѣлъ, зналъ наизусть и могъ даже своими словами все рассказать; однако, и за всѣмъ тѣмъ ничего не понималъ. Очевидно, тутъ былъ какой-то изъянъ. Я зналъ формы, въ которыхъ проявлялось созиданіе полной чаши, но не понималъ внутренняго содержанія этихъ формъ. Для меня оставалось скрытой та страшная масса усилій, физическаго труда, изнеможеній, пота, ропота и отчаяній, которыми сопровождалось устроеніе полной чаши. Кажется, что, я думалъ такъ: стоитъ па-

пенькѣ съ маменькой только приказать старостѣ Лукьянчу—и у насъ будетъ и рожь, и овесъ, и сѣно...

Поэтому, когда я покончилъ съ вопросомъ о подмосковной, то есть, совершилъ купчую крѣпость и вступилъ во владѣніе, то сонное видѣніе еще нѣкоторое время продолжалось, несмотря на то, что сейчасъ же обнаружались факты, которые должны были бы самаго заспаннаго человека заставить придти въ себя. А именно: густой и высокій лѣсъ, на который мнѣ указывалъ пальцемъ старичекъ-продавецъ, оказался чужой, а мой лѣсъ былъ низенькій и рѣдкій; вмѣсто полныхъ сѣнныхъ сараевъ, оказались искусно выведенными изъ сѣна стѣнки, за которыми скрывалась пустота; на мельницѣ помолу обнаружилось мало, да и воды не всегда достаточно; сѣно на лугахъ „временемъ родится“, а „временемъ — пѣть“, да и сѣно — „съ осочкой“. Одно вышло справедливо: службѣ были лёгонькія, то есть, совсѣмъ ветхія, а рѣчка, дѣйствительно, веселая: излучистая, сверкающая и вся въ зеленыхъ берегахъ.

Тѣмъ не менѣе, я не впалъ въ уныніе и началъ дѣлательно приспособляться въ своемъ новомъ гнѣздѣ. Сонныя видѣнія дѣтства, отрочества и юности, несмотря на свою призрачность, оставили по себѣ и пѣчто такое, что залегло во мнѣ довольно прочно. А именно: они положили основаніе убѣжденію, что всякій человекъ имѣетъ какъ бы естественную потребность въ своемъ собственномъ углу. Тамъ онъ сосредоточить все завѣтное, пригрѣтое, приглубленное; туда онъ придетъ послѣ изнурительныхъ скитаній по бѣлу-свѣту, чтобъ успокоиться отъ жизненныхъ обидъ; тамъ онъ взлѣлѣетъ своихъ дѣтей и дастъ имъ возможность проникнуться впечатлѣніями настоящей, непасурмленной дѣйствительности; тамъ онъ почувствуетъ себя свободнымъ отъ всяческой подлой зависимости, отъ заискиваній, отъ унизительной борьбы за право дышать, говорить, мыслить... Словомъ сказать, представленіе объ

этомъ обѣтованномъ собственномъ углѣ было всегда до того присуще мнѣ; что когда жить за родительскимъ хребтомъ сдѣлалось уже неловкимъ, и старое, насиженное гнѣздо, по волѣ случая, не дошло до рукъ, то мысль объ обрѣтеніи новаго гнѣзда начала преслѣдовать меня, такъ сказать, по пятамъ...

И, какъ сказано выше, я это гвѣздо обрѣлъ.

Я не буду рассказывать здѣсь исторію моихъ хозяйственныхъ походовъ. Это было что-то фантастическое. Неудача во всемъ. Хлѣбъ, по виду, казалось, хорошъ родился, а въ амбаръ его дошло мало („стало быть, при молотбѣ не доглядѣли“, объяснили мнѣ „умные мужички“); клеверъ и тимоеежка выскочили по полю махрами („стало быть, не ровно сѣяли: вотъ здѣсь посѣяли, а вотъ здѣсь пролѣшили“). Два года, однакожъ, я упорствовалъ, то есть сѣялъ и жалъ, на третій—смирился. Или, говоря другими словами, началъ смотрѣть на свое имѣніе, какъ на дачу для двух-трех-мѣсячнаго лѣтняго пребыванія. Нарушилъ всѣ хозяйственныя затѣи, а такъ называемую „угоду“, за исключеніемъ усадьбы, сдалъ крестьянамъ за такую годовую плату, которой не доставало даже для удовлетворенія скромнымъ издержекъ по управленію и сторожѣ, и самъ удралъ въ Петербургъ.

При такомъ упрощенномъ взглядѣ, дѣло шло кое-какъ ровно пятнадцать лѣтъ. Я ѣздилъ по лѣтамъ въ свое собственное Монрепо и не безъ удовольствія взиралъ на „веселую“ рѣчку, которая сверкала передъ самыми окнами господскаго дома. По временамъ, на островокъ, образуемый мельничною запрудой, налеталъ соловей и грохоталъ и заливался всю ночь. Это тоже доставляло удовольствіе, хотя и кратковременное, потому что къ утру соловей уже былъ *непретѣнно* подкарауленъ и изловленъ фабричными изъ сосѣдняго села. Во всякомъ случаѣ, я жилъ безъ мучительныхъ помысловъ о дождѣ или вѣдрѣ, безъ легкомыс-

ленныхъ догадокъ о томъ, что въ данную минуту происходитъ въ полѣ: произростаетъ, или не произростаетъ. Ничего „своего“ у меня не было, такъ что за каждой бездѣлицей я посылалъ въ Москву, и, къ удивленію, все выходило и лучше, и дешевле, нежели изъ хозяйственной заготовки. Былъ у меня, правда, небольшой огорождъ, каждую весну засаживаемый неумѣлыми руками, но и онъ не заставлялъ моего сердца сжиматься, такъ какъ я съ перваго же года понялъ, что овощи въ этомъ огорождѣ будутъ поспѣвать какъ разъ ко дню моего выѣзда изъ деревни въ городъ.

На послѣдокъ, однакожь, обнаружилось, что и съ упрощеннымъ взглядомъ безконечно жить невозможно. Появилась цѣлая серія фактовъ довольно страннаго свойства. Лѣсъ (хоть и не тотъ высокій, который мнѣ рекомендовалъ старичекъ-продавецъ, но все-таки былъ лѣсъ) пересталъ произростать. Березовая роца, которую я засталъ въ качествѣ „опушечки“, такъ и осталась опушечкой черезъ пятнадцать лѣтъ. Осиновая роца, которую я самъ срубилъ, въ чаѣніи, что осина идетъ ходко, представляла, черезъ пятнадцать лѣтъ, голое мѣсто, усѣянное пеньками („стало быть, коровы по ѣмъ пасутъ“, объяснили „умные“ мужички, они же и арендаторы). Поля загрубѣли; луга, дававшіе когда-то мягкое сѣно, начали давать почти исключительно острецъ. Таковы были послѣдствія крестьянской аренды и моего упрощеннаго взгляда на имѣніе. Въ самомъ домѣ оказывались изъѣяны, которые предвѣщали въ ближайшемъ будущемъ очень серьезный расходъ. Въ паркѣ дорожки до того заросли, что для расчистки ихъ тоже требовалась цѣлая уйма денегъ. Къ довершенію всего, такъ какъ усадьба отстояла отъ крестьянскаго поселка не близко и какъ, съ нарушеніемъ хозяйства, прислуги при усадьбѣ содержалось мало, то ночью брала невольно оторопь. Правда, что въ нашей сторонѣ объ

„ликихъ“ людяхъ слуховъ еще не было, но верстъ за десять, за двѣнадцать, около станціи желѣзной дороги, уже „пошаливали“. Припоминая стародавнія русскія поговорки, въ родѣ „неровѣнь часть“, „береженаго Богъ бережетъ“, „плохо не клади“ и проч., и видя, что дачная жизнь, первоначально сосредоточенная около станціи желѣзной дороги, начинаетъ подходить къ намъ все ближе и ближе (одинъ грекъ приведетъ за собой десять грековъ, одинъ еврей — сотню евреевъ), я непримѣтно сталъ впадать въ задумчивость.

И не на меня одного нападала задумчивость. Въ короткій пятнадцатилѣтній періодъ моего владѣнія подмосковной, почти весь землевладѣльческій составъ кругомъ меня измѣнился. Въ ближайшей ко мнѣ старинной княжеской усадьбѣ съ вѣковыми лѣсами, съ знаменитыми оранжереями и съ прекрасно устроеннымъ господскимъ домомъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, перемѣнилось два владѣльца, изъ коихъ одинъ — еврей. Тоже самое повторилось и по всей окрестности. Пришли люди, прикосновенные къ постройкѣ храма Христа Спасителя, пришелъ адвокатъ, выигравшій какое-то волшебное дѣло и сейчасъ же поспѣшившій сдѣлаться „бариномъ“; наконецъ, появился грекъ, который, поселившись въ верстѣ отъ меня, влѣзъ въ нашу скромную сельскую церковь и выстроилъ себѣ что-то въ родѣ горняго мѣста, дабы всѣ видѣли, какъ онъ, Самсонъ Дюбековичъ, своего Бога почитаетъ. Остались незыблимыми только два старинные и замѣчательно крупные землевладѣльца, изъ тѣхъ, которыхъ ужъ никакіе изысканія заставить въ распахъ не могутъ.

Задумчивость моя усугублялась съ каждымъ годомъ. Пришельцы сосѣди устраивались по новому и проявляли поползновеніе жить шумно и весело. Среди этой вдругъ закипѣвшей жизни, каждое движеніе которой говоритъ о шальной деньгѣ, мой бѣдный заброшенный пустырь былъ